

Неистовый Роланд

Автор:

Александр Вельтман

Неистовый Роланд

Александр Фомич Вельтман

Трагикомическая ситуация повести Александра Вельтмана «Неистовый Роланд» сразу же напечт читателю сюжет гоголевского «Ревизора». Вельтман строит рассказ, стараясь придать ситуации возможную достоверность. И внешний вид, и речи находящегося в бреду актера Зарецкого убеждают чиновников, что перед ними важная персона, скорее всего – генерал-губернатор. Тут и открывается вся отвратительная неприглядность жизни провинциального города – казнокрадство, беззаконие, невежество, дикая грубость. И стоило антрепренеру узнать бедного актера, как на Зарецкого обрушивается гнев местного общества во главе с городничим.

Александр Вельтман

Неистовый Роланд

Глава I

В одном из пятидесяти пяти губернских и пятисот пятидесяти пяти уездных городов Российской империи в заездной корчме ходил по комнате из угла в угол человек лет тридцати, важной наружности, с пламенными черными глазами, с пылким румянцем на щеках. На нем был синий сюртук; три звезды светились на груди; беспокойство и смущение выражались во всех чертах.

Двери в хозяйскую спальню были притворены. Подле спальни в кухне молодая еврейка стряпала кугель и готовила чай для постояльца.

Вдруг раздалось громкое восклицание постояльца.

– Ангелика! – произнес он отчаянным голосом.

– ...Ангелика! – повторил знаменитый постоялец, остановись посреди комнаты. Очи его были неподвижны, поднятая рука тряслась.

– Природа! – продолжал он, – ты глуха к воплям несчастного! Слезы мои пробили дикие камни и не смягчили тебя, чтоб отдать мою собственность!.. В степь обращаю я вселенную, чтоб в беспредельных равнинах Ангелика не могла скрыться от взоров моих!.. Ангелика! Неужели в обширном свете есть место, которое в состоянии утаить тебя?..

После некоторого молчания он ударил себя в грудь и продолжал голосом страдания:

– Боже всевышний! Бесконечная борьба!.. Или не довольно мучений?.. Какая фурия омочила ядовитый кинжал в крови моей?.. В юдоли спокойствия, в ее объятиях, в минуту блаженства... он сам совершил свой приговор!.. Может быть, она предпочла суровому названию воина нежное имя пастуха! Своенравное божество любви! Лей в рану мою яд!.. Она не чувствует его более!.. Что ж медлю я! Иди, ищи ее, несчастный!..

С сими словами он бросился в сторону.

– Тышэ, судэр! – вскричала еврейка шепелявым наречием, отскочив от исступленного постояльца. В руках ее был поднос, на котором внесла она засаленный чайник с чаем, другой с горячей водой, третий с молоком, блюдечко с четырьмя кусочками сахара и другое – с хлебом.

– А, Рифка! Теперь ты от меня не уйдешь! – вскричал знаменитый постоялец, сдавив в своих объятиях еврейку, едва только успевшую поставить поднос на стол.

– Дз! Тышэ, судэр! – вскричала еврейка, защищаясь от поцелуев, которые сыпались на лицо ее, и с трудом вырвавшись из рук постояльца.

Когда она выбежала из комнаты, неизвестный посмотрел пламенными глазами вслед за ней; налил стакан чаю, выпил его почти залпом, прошел несколько шагов по комнате, снова остановился посреди комнаты, вскинул руки и закричал:

– Проклятый! И ты не сбросил их в ад!.. Да, я все опустошу, что только носит на себе отпечаток постыдной любви!.. Погибните, нечистые тени, блюстители гнусных наслаждений и свидетели моего стыда!.. О! Будь дыхание мое подобно бурному вихрю!..

Вслед за сими словами проклятия полились потоком; Рифка выбежала из кухни и приложила глаза и уши к скважине.

– Солнце! – продолжал неизвестный. – Скройся, если ты когда-нибудь приблизишься к золотому пути своему в этой плачевной юдоли! Луна! Отврати луч небесного твоего света от постыдного места! Вечная ночь! Покрой собою это адское жилище! Смртоносный воздух! Растли приближающегося сюда странника!.. Лютые тигры! Селитесь здесь!..

В это время наружные двери заскрипели, кто-то вошел в комнату. Неизвестный продолжал, но уже гораздо спокойнее:

– Солнце торопится скрыться от этого ужаса! Смотри! Видишь ли добродетель в рубище, а порок в шелку? Видишь ли горлицу? Над ней вьется ястреб... он уже схватил, раздирает ее сердце, кипящее еще любовью...

– Готово, судэр, – произнес стоявший в дверях. По голосу можно было догадаться, что это был фактор.

Деревянные часы, висевшие в углу, прокуковали шесть часов.

– Пора! – сказал неизвестный. Накинув на себя плащ, он вышел вон; фактор провел его по коридору со свечой, На дворе было уже темно; подле ворот стояла маленькая польская бричка, запряженная в одну лошадь.

– На водку фактору, судэр!

– Убирайся к чорту! – отвечал неизвестный, вскочив в бричку.

Кучер, сидевший на козлах, хлопнул бичом по тощим ребрам клячи, фактор со свечой воротился в комнату; копыта застукали о твердую землю, бричка задрезжала.

Без помехи катилась бричка; вдруг, при спуске под горку, навстречу обоз.

Из ближайшего дома свет ударил на улицу.

– Овраг!.. – вскричал неизвестный. Слова его прервались, бричка опрокинулась, звезды на платье мелькнули, раздался стон и вдруг умолк. Только слышно было, как на гору тянулись волы, да слышен был свист погонщиков, да хлопанье бичей и цобэ-цобэ!

Обоз проехал. Все утихло. Жалостное «ох!» послышалось под горою; но вскоре снова раздался удар бича, снова копыта застучали, и бричка задрезжала вдалеке.

Глухой стон повторился подле освещенного дома, близ мостика чрез овраг.

Глава II

В день святых мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры к господину городничему стекались гости. По случаю именин почтенной своей супруги он устроил пир на весь мир.

У всех значительных особ города, знающих приличия большого света не менее Павла Афанасьевича Фамусова, этот день отмечен был в календаре; на чистеньком листочке против 10-го числа сентября стояли следующие слова: день ангела Нимфодоры Михайловны.

В этот день, в торжественный праздник, в соборной церкви служил обедню сам протопоп; а председатель и члены магистрата, судья и значительные чины записывали в журнале рано поутру: «По неполучению надлежащих сведений отложить рассмотрение дел до следующего заседания»; а почтмейстер и помощник его препоручали принимать и отправлять корреспонденцию дежурному почтальону; а городской лекарь давал необходимые наставления для исправления своей должности фельдшеру; а квартальные возлагали полицейские заботы на хожалых; и все, в полных мундирах, отправлялись на поздравление Нимфодоры Михайловны и супруга ее, потом к обедне, потом к обеденному столу именинницы.

Три гильдии городских купцов также помнили этот день; препроводив раным-рано с приказчиками своими кулечки со всем, что только относилось до хозяйственной экономии Нимфодоры Михайловны, сами шли поздравлять именинницу около полудня.

На этот день брался из острога отличный повар, содержащийся в оном по уголовному преступлению около уже пяти лет и не отправляемый на каторгу то по случаю производящихся следствий, по его показаниям, в пятнадцати губерниях, то по случаю неотыскания еще сообщников его, рассеянных по всей Российской империи, то по случаю болезни и по разным законным причинам.

Обед был великолепен.

Какая кисть изобразит то единодушное удовольствие, коим все присутствующие за столом были исполнены. Тосты за здравие Нимфодоры Михайловны с ее супругом и всем семейством были повторяемы с сердечным приятием чувств преданности, должного уважения к почтенному начальнику города в с пожеланием всякого блага и благополучия, 100000 годового дохода и ста лет, да двадцать, да маленьких пятнадцать жизни. Вензловое имя почтенной именинницы, вылитое из леденца и опутанное сахарною паутиною, возвышалось посреди стола, подле стояли марципаны, варенья на тарелках, дыни и арбузы, груши и яблоки. Песельники пожарной команды пели многие лета.

Когда Нимфодора Михайловна принялась межевать слоеный круглый пирог, хозяин подрезал проволоку у бутылки шампанского, пробка ударила в потолок, упала на пол и, поднятая с земли по требованию судьи, знающего толк в винах, пошла по рукам гостей как диво; почтительно произнесло несколько голосов: «V. С. Р. с звездочкой!», а когда напенились бокалы и раздались гостям, все

привстали, залпом произнесли: «желаю здравия!», и потом, как беглый огонь, посыпались похвалы вину: «дивное вино! старое вино! очень старое вино! цельное вино! вино без подмеси! царское вино!» Когда разнесли десерт, сопровождаемый ратафией, пьяной водицей и вишневкой, когда гости стали тучны и злы, хозяйка встала с места, стулья двинулись, загремели, все приложились к ручке хозяйки и вошли в гостиную.

Дамы засели на диване около круглого стола, на котором стоял новый десерт: вологодская пастила, разных сортов орехи, фрукты, варенные в сахаре. Мужчины чиновные засели по сторонам и занялись чищением зубов и нюханием табака; прочие, люди подчиненные, толпились по сторонкам, перешептываясь или рассматривая богатое украшение комнаты: московские обои с изображением пастушки в фижмах и пастуха в штанах, играющего на дудке; мебель, обитую зеленым сафьяном; картинки, производства Логинова, в золотых узеньких рамках, изображающие историю Женестьева, Поля и Виргинии, блудного сына и искаженные черты царей и полководцев, с подписью и стихами в честь их.

– Вообразите-с! – сказал почтмейстер, взяв вилокю кусок пастилы, – во Франции, в Париже-с, бывает завтрак на вилках.

– Возможно ли! Каким же это образом? – вскричало несколько голосов.

– Не знаю-с; а могу представить доказательство, книгу г. Коцебу, о воспоминаниях в Париже; г-н Коцебу достоверен-с, не солжет.

– Да это, верно, просто выражение, – сказала важно хозяйка дома. – Точно такое же выражение, как у нас говорят: сидеть на иголках.

– Должно быть так-с! – подтвердил председатель магистрата.

– Что город, то норов, что деревня, то обычай! – произнес протопоп, поправив свою бороду.

– Действительно-с! – сказал семинарист, учитель городской школы. – Цицерон сказал: *communem consociationem colere, tueri, servare debemus*, то есть мы должны служить обычаям...

– Точно так-с! – прервал его почтмейстер. – Однако же у г. Коцебу в статье о коврах сказано, что показывающий Цицерон сам понимает мало.

– Помилуйте, – сказал, ужаснувшись, учитель, – Цицерон оратор римский!

– Что ж, сударь, – отвечал почтмейстер, – он мог путешествовать и заехать в Париж. Я бы сам с любопытством взглянул на город, в котором даже весь мастеровой народ рыцари и носят щиты с девизами.

– Как это так-с? – вскричали все.

– Извольте прочитать г. Коцебу о Париже, – отвечал важно почтмейстер. – Да-с, – промолвил он и продолжал: – Но уж какая развратительная философия во Франции! Вообразите себе: сам Наполеон Бонапарте сказал господину Коцебу вольтеровское правило: что все люди добры, исключая человека скучного.[1 - Это русский перевод слов: *tous les genres sont bons, excepte le genre ennuyeux.*] Как вы думаете об этом: все люди добры, исключая человека скучного!

– Ужасно! – вскричали гости. – Все люди добры, исключая человека скучного! Следовательно, разбойник, тать добры, потому что они не скучны.

– Ужасно! – повторили все, и общее удивление было прервано предложением одной из девушек сыграть на клавикордах.

– Право, все перезабыла, Нимфодора Михайловна.

– Сделайте одолжение, сударыня, потешьте моих гостей, – сказал городничий.

Все гости также обратились с покорнейшею просьбою к виртуозке.

– Право, я все перезабыла! – повторила она.

– Ну, ну, ну, Софья! Я не люблю манеров! Учат не на то, чтоб забывать! – вскричала мать девушки. И Софья, надувшись, села за клавикорды. Клавиши застукали, струны зазвенели; педаль, приделанная для маршей и турецкой музыки, забила в деку, как тулумбас, клавикорды закачались на складных ножках.

Все гости обступили виртуозку и дивились искусству игры; но удивление многих увеличилось донельзя, когда правая рука Софьи, перескочив через левую, заиграла на басах.

– Это, верно, французская вариация! – вскричал председатель.

– Точно так-с, – отвечала Софья с самодовольствием, – это французская кадрили.

– Я отгадал! – продолжал председатель. – У них все наыворот. Ну зачем бы, кажется, играть правой рукой вместо левой, а левой вместо правой?

– Софья! – сказала строгим материнским голосом мать Софьи. – Я не раз тебе говорила: играй просто вариацию, не перекидывая руки! Что за глупая манера! Как будто нельзя играть добрым порядком!

Софья порывисто встала из-за клавикорд и вышла в другую комнату.

Ее мать почла неприличным, что она не дождалась похвалы и благодарности за игру, последовала за ней журить, бранить наедине, учить дочь свою приличиям общества.

Между тем мужчины засели за несколько столов играть в бостон, а хозяйка с своими гостями около десерта.

Пробило шесть часов. Ломберные столы были уставлены уже ремизами, а синяя салфетка десертного стола покрылась скорлупой.

– Господа! – вскричал городничий, – пора в театр, ремизы разыграем после.

– Пора, пора, – повторили все дамы. – У вас есть афишка? Говорят, что актеры бесподобные.

– Как же-с, антрепренер представил мне список актерам. Играть будут пьесы отличные, по моему назначению, драму «Добродетельная преступница, или преступник от любви» в трех действиях, и комедию в пяти действиях «Неистовый Роланд».

– Как это интересно! Пора, пора! – повторяли дамы, собираясь и с нетерпением ожидая у подъезда дрожжек.

Бостонисты сложили ремизы, разыграли, рассчитались, схватились за шапки, второпях выигравший забыл заплатить за карты; и вот, пешком и на дрожках, все двинулись в театр.

Глава III

Город, в котором случилось описываемое происшествие, лежал на берегу роскошного Днепра и разделялся глубокою лощиною. Главная часть города была на горе и украшалась широкою площадью, ограничиваемою корчмами, костелом, соборною церковью и деревянным театром с лубочной кровлей. Другая часть города, носившая название за мостом, не имела в себе никаких замечательных зданий и украшений, кроме городских бань, пивоварни и живодерни, на которой выделывались самые лучшие собачьи меха. Третья часть, под горой, населена была Израилем и украшалась деревянной школой, обросшей мохом и стоявшей посреди лачуг и непроходимой грязи; весь же город славился красотой евреек; Голды, Рифки, Рохли, Лейки, Ганзы и Пейзы, в красных тюрбанах, в мушках, с рассыпанными волосами по плечам, владычествовали над походными сердцами.

В этот же город приехала труппа актеров, и г. антрепренер, заплатив полиции положенный штраф за намерение играть трагедии, комедии, оперы, драмы и мелодрамы, к удовольствию городской публики, получил дозволение воспользоваться театром, который поступил в городскую собственность также от одной походной труппы актеров, изгнанной из города за то, что осмелилась, по болезни некоторых из действующих лиц, отложить спектакль до другого дня.

Приехавшая труппа актеров принадлежала уже не к тому времени, когда публику сзывали в театр бубнами и литаврами, когда без предуведомления о достоинстве пьесы и без испрошения снисходительного воззрения на игру актер не смел ступить на сцену, а публика без предварительного экстракта или объяснения пьесы, изложенного в прологе, не понимала смысла; но она принадлежала к той эпохе, когда порок и добродетель не смели соединяться в одном и том же действующем лице, но боролись отдельно, боролись друг с другом, а не с душою человеческою.

Настало роковое время – 6 часов пополудни; театр осветился площадками. Четыре еврея с скрипкой, виолончелью, цимбалами и треугольником засели перед сценой. Занавес, с изображением Аполлона и девяти муз, покрытых вохрою и суриком, волнуется уже от сквозного ветра. Все действующие лица уже готовы для представления драмы, только недостает еще маркиза Лафаста, преступника от любви, главного лица. Французский король, в черном фраке, в лентах и звездах, в тафтяной мантии, усеянной блестками и мишурой, ходит с досадою по сцене, распоряжается за кулисами, твердит в тетрадке роль свою и у всех спрашивает, пришел ли Зарецкий?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Это русский перевод слов: tous les genres sont bons, excepte le genre ennuyeux.

Купить: https://telnovel.me/vel-tman_aleksandr/neistovyy-roland

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)